

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА МИХАЛЬЧУК

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка

Белорусский государственный университет

(Минск, Республика Беларусь)

ORCID 0000-0002-2611-9486; n-mihalchuk@list.ru

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX–XXI ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Впервые выявлены специфические особенности речевой репрезентации побуждения в виде повествовательного высказывания с глаголом в форме сослагательного наклонения в прозе русских писателей XX–XXI веков на протяжении шести хронологических периодов. Доказывается зависимость от времени написания художественного текста следующих характеристик: 1) количественного представления косвенных речевых реализаций побуждения; 2) частотности случаев совмещения директивного и экспрессивного значений; 3) способа выражения пейоративного значения в побудительных высказываниях. Цель статьи – установление особенностей косвенной речевой реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива в русской прозе XX–XXI веков в диахроническом аспекте. Актуальность исследования обусловлена отсутствием целостного и системного описания косвенных речевых реализаций побуждения в художественном тексте в диахроническом аспекте. Использованы методы контекстуального анализа, анализа и синтеза, количественный, компаративный и филологический. Установлены следующие тенденции в русской прозе XX–XXI веков: 1) снижение частотности повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива, используемых в значении побуждения, с 14 до 1 %; 2) актуализация речевых форм с совмещением побудительного и экспрессивного пейоративного значений в текстах 1930–1970-х годов; 3) доминирующая роль фактора «социальная принадлежность персонажа», влияющего на выбор типа речевой модели писателем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : непрямая коммуникация, косвенный речевой акт со значением побуждения, коммуникативная интенция, сослагательное наклонение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Михальчук Н. А. Косвенные речевые реализации интенции побуждения в русской прозе XX–XXI веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1260

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивым способом выражения побуждения в русском языке является его реализация в виде повествовательных высказываний с глаголами в форме субъюнктива. Так, в Грамматике русского языка (1960) в качестве особого типа побудительных предложений выделяются предложения со сказуемым, выраженным глаголом в форме сослагательного наклонения. Ср. *Ах, уж оставили бы вы меня в покое*. Авторами также указывается возможность репрезентации как просьбы, так и совета в форме инфинитивного предложения с частицей *бы*: *Вам бы полегчить. Вам бы прилечь* [3]. Анализируемый способ выражения побуждения находит отражение и в учебниках по стилистике и культуре речи¹.

Показательно, что прагматический потенциал конструкций с сослагательным наклонением, используемых для выражения директивного значения, характеризуется в лингвистической литературе различными авторами во многом сходно: отмечается снижение категоричности, смягчение реализации интенций, наблюдаемые в этих высказываниях.

Так, например, В. И. Карасик среди средств снижения категоричности высказываний, наряду с модальными словами со значением предположения, вопросительными предложениями с модально-отрицательными компонентами, придающими условия, эвфемизмами, называет формы сослагательного наклонения [6: 141].

И. А. Шаронов описывает прагматическую характеристику оптатива следующим образом:

«Побуждение к действию адресата при условии, что действие может оказаться для слушающего трудновыполнимым»². Т. В. Ларина также подчеркивает неуверенность и гипотетичность, которые передают формы сослагательного наклонения глаголов, используемые в побудительном значении. По мнению лингвиста, конструкции со значением гипотетичности способствуют уменьшению прямолинейности совета [7: 256].

В. Е. Иосифова акцентирует внимание на ограниченности сферы использования побуждений, репрезентированных конструкциями с глаголами в форме субъюнктива: они используются в неофициальной обстановке. В таких высказываниях говорящий «выражает необходимость поправить существующую ситуацию в лучшую сторону»³. Р. А. Кулькова утверждает, что сослагательное наклонение в императивном значении реализует программу перестройки деятельности⁴.

Е. П. Багирова и Э. О. Гаврикова рассматривают речевые акты типа *Ты бы к церкви подъехал* как косвенные реализации мягкой просьбы, свидетельствующие о неформальных или фамильярных отношениях между коммуникантами [1]. Конструкции с инфинитивом и частицей *бы* типа *Вам бы уехать* характеризуются учеными как «максимально вежливый вариант побуждения, ближе к совету или к дружескому предложению, чем к прямой каузации» [1: 17].

В то же время в трудах ряда лингвистов ставится под сомнение вежливость просьбы, репрезентированной повествовательным высказыванием с глаголом в форме субъюнктива. Так, Н. И. Формановская называет просьбу, выраженную подобным способом, «недостаточно вежливой», стоящей «на грани приказа», рассматривает ее как тождественную по структуре императиву. Ср. примеры из статьи Н. И. Формановской: «*“Вы бы подвинулись!”* (человеку, который не замечает стоящего пассажира); *“Вы бы уступили место пожилой женщине!”* (молодому человеку)» [15: 71].

Ц. Саранцацрал, давая оценку косвенным реализациям просьбы с точки зрения требований вежливости, указывает на необходимость наличия модальных лексем *мог – могли бы* и вопросительной формы для того, чтобы высказывания могли расцениваться как находящиеся в зоне этикета. Ср. пример вежливой просьбы из работы Ц. Саранцацрал: «*Вы не могли бы посмотреть мою статью еще раз?*»⁵.

В качестве особого типа не прямой коммуникации (термин В. В. Дементьева [5]) учеными трактуются косвенные речевые акты [4], [11]. Они являлись объектом научного изучения в ряде работ зарубежных и российских иссле-

дователей [2], [5], [8], [12], [13], [14]. К косвенным речевым актам в данной статье относим «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [8: 107]. Одним из типов косвенных высказываний являются конструкции с глаголом в форме субъюнктива, используемые в значении побуждения: первая иллокуция у подобных высказываний – это сообщение, вторая – побуждение. Соглашаясь с определением Н. И. Формановской, побудительность мы считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [14: 188].

В качестве материала для анализа выбранные реалистические и модернистские произведения русских писателей XX–XXI веков. Фактический материал проанализирован в рамках шести хронологических периодов: 1900–1910-е годы; 1920-е годы; 1930–1940-е годы; 1950–1970-е годы; 1980–1990-е годы; 2000–2020-е годы. Научной основой для выделения данных временных промежутков служит периодизация русской литературы в учебнике «История русской литературы XX века» под общей редакцией В. В. Агеносова⁶. Объем материала, проанализированного в рамках каждого из указанных периодов, – порядка 4000 страниц текста. Из рассмотрения исключаются специфические маркированные жанры: детективные, фантастические, исторические, приключенческие рассказы, повести и романы, произведения детской литературы. За пределами исследования остается постмодернистская проза, имеющая игровую природу, несмотря на ее высокую значимость для литературного процесса конца XX – начала XXI века. С целью минимизации опасности стилизации для анализа отбираются только те произведения, в которых наблюдается совпадение описываемой эпохи со временем создания текста автором.

Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной речевой реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива в русской прозе XX–XXI веков в диахроническом аспекте. Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения, репрезентированных повествовательными высказываниями с глагольной формой сослагательного наклонения (общее число примеров – 265).

Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалога; высказывания отбирались методом сплошной выборки. Среди других методов исследования – метод контек-

стуального анализа (основной), анализа и синтеза (для теоретического обобщения фактов языка), количественный (для количественного описания косвенных речевых актов со значением побуждения), компаративный (для сравнительно-исторического исследования единиц непрямой коммуникации) и филологический (для целостного анализа художественного текста как с языковой, так и с содержательной стороны).

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СУБЪЮНКТИВОМ В ЗНАЧЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX–XXI ВЕКОВ

Удельный вес речевых форм с сослагательным наклонением, используемых в значении побуждения, в XXI веке снижается в 14 раз по сравнению с началом XX века (табл. 1). На протяжении столетия некоторое увеличение показателя наблюдается дважды: в материале 1900–1910-х годов и в материале 1950–1970-х годов. Самый низкий удельный вес данной модели косвенной реализации побуждения зафиксирован в прозе XXI века.

Таблица 1

Повествовательные высказывания с глаголом в форме субъюнктива в значении побуждения в русской прозе XX–XXI веков: количественное соотношение на протяжении шести хронологических периодов

Table 1

Declarative statements with a verb in the subjunctive form expressing imperative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries: quantitative ratio over six chronological periods

Хронологический период	Удельный вес высказываний, %
1900–1910-е годы	14
1920-е годы	3
1930–1940-е годы	5
1950–1970-е годы	7
1980–1990-е годы	5
2000–2020-е годы	1

Снижение частотности речевой репрезентации модели в течение столетия, по нашему мнению, обусловлено демократизацией общения, тенденцией к огрублению речи в конце XX – начале XXI века, а также невысокой характерностью для современной русской прозы типов персонажей, которые являются наиболее частотными адресантами анализируемых высказываний. Это прежде всего языковые личности, принадлежащие к социальным группам крестьян, рабочих, а также к отсутствующим в современном обществе прослойкам мещан и купцов. Напротив, увеличение частотности косвенных реализаций побуждения с указанным речевым оформлением в 1900–1910-е и 1950–

1970-е годы объясняется писательским интересом к вышеуказанным типам языковых личностей (в художественной прозе И. Бунина, М. Горького, И. Шмелева, Ф. Абрамова, В. Распутина), а также общей тенденцией к митигации коммуникативных интенций, характерной для данных временных промежутков [9], [10].

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМИ ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ С ФОРМАМИ СУБЪЮНКТИВА

В первой половине XX века на протяжении всех выделенных хронологических периодов доминирующей коммуникативной интенцией, реализованной конструкциями с формой субъюнктива, является совет. Второе место по частотности занимает просьба, затем – предложение. Приглашение и упрек представлены единичными примерами.

«– А вы бы ему это объяснили, Павел Павлович, – посоветовал с хитрым лицом Лбов» (= объясните; совет) (А. Куприн «Поединок»); «Он повертел книжку в руках и несмело сказал: “А то бы почитал чего-нибудь... А? Уж сделай милость, прочти стишка три-четыре”» (= почитай; просьба) (И. Бунин «Деревня»); «Ты бы передохнул немного» (= передохни; совет) (Н. Островский «Рожденные бурей»); «Нам бы поговорить наедине, – и она чуть подмигнула Олегу голубым глазом» (= давай поговорим; предложение) (А. Фадеев «Разгром»).

В 1950–1970-х годах по-прежнему актуализированы интенции совета и просьбы, но в данный временной промежуток между ними уже не наблюдается такое значительное количественное различие, как в предыдущие периоды. Так, в прозе Ф. Абрамова преобладают косвенный совет с указанным способом выражения (19 единиц) и просьба (16 единиц), зафиксированы также примеры поучений (8) и упреков (6).

В целом период 1950–1970-х годов отличается большим разнообразием коммуникативных интенций, чем первая половина XX века. При помощи высказываний, оформленных по анализируемой модели, в текстах произведений репрезентируются интенции смягченной просьбы, некатегоричного совета, митигативные реализации предложения, приглашения, поучения, упрека. Покажем это на примерах.

Просьба:

«Она смачно зевнула, поднялась и устало расправила полные, налитые плечи: – спать пора... Да баньку бы к обеду истопить велел» (= вели) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Совет:

«Ты бы все-таки эту жеребятину оставлял за порогом, когда в свою избуходишь, – с мягким укором посоветовал Михаил» (= оставляй) (Ф. Абрамов «Путь-перепутья»).

Предложение:

«– Так вы бы должны за столь широкий охват объявить мне благодарность в приказе, – подсказал Леде-нев» (= объявите) (В. Тендряков «Шестьдесят свечей»).

Приглашение:

«Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили» (= зайди) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Поучение:

«Председатель! Бога не боишься, хоть людей бы постыдилась» (= постыдись) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Упрек:

«Дала бы человеку поест! Человек в школу собирается, – сердито сказала Анисья Матвеевна» (= дай поесть, помолчи) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

В произведениях 1980–1990-х и 2000–2020-х годов на первое место по частотности выходят совет и предложение:

«Неплохо бы и его выслушать» (= давайте выслушаем; предложение) (С. Довлатов «Компромисс»); «Вам бы покреститься надо, пока вы здесь, – говорит он на пороге негромко. – Это условие? – Совет») (= покреститесь; совет) (А. Варламов «Одсун»); «Надо бы встретиться» (= давай встретимся; предложение) (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»).

Как видим, в материале всех хронологических периодов наиболее частотными являются косвенные реализации совета. Сложность речевого акта с интенцией совета связана с доминирующей ролью говорящего, авторитет которого вовсе не обязательно принимается адресатом, с давлением, оказываемым на него. Совет предполагает нарушение свободы действий адресата, угрозу его «негативному лицу». Вместе с тем, как отмечает Т. В. Ларина, русская коммуникативная традиция предписывает давать советы и обращаться с просьбами. Данные речевые действия осуществляются в русскоязычной культуре более свободно и широко, чем, например, в англоязычной [7].

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ В ФОРМЕ СУБЬЮНКТИВА В ЗНАЧЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ

По мнению лингвистов (С. Дик, В. И. Карасик), коммуникация людей осуществляется в обстоятельствах, обусловленных не только лингвистическими и физическими факторами, но и социально-культурными, сопряженными с понятием социального статуса [6]. По нашему мнению, от фактора «социальный статус персонажа» зависит писательский выбор разновидностей моделей непрямого общения и ее типов.

Так, в рамках речевой модели «повествовательные высказывания с глаголом в форме

субьюнктива», используемой в значении побуждения, выделяется несколько разновидностей, которые различаются стилевой окраской речевых форм, сферой их употребления и степенью вежливости. В результате анализа художественных произведений установлено, что одни из этих разновидностей характерны для речи интеллигенции, группы персонажей с высоким уровнем интеллектуального развития, в то время как другие подтипы свойственны малообразованной группе действующих лиц: представителям крестьянства, рабочего класса, в ряде случаев – мещан и купцов.

Так, в дискурсах персонажей, принадлежащих к социальной группе интеллигенции, актуализированы следующие разновидности исследуемой речевой модели:

1) высказывания с формами сослагательного наклонения глаголов волеизъявления, необходимости, возможности, целесообразности, в которых субьюнктив используется для снижения категоричности интенций (случаи равнозначности сослагательного и изъявительного наклонений, с ослабленным значением ирреальности):

«Я хотел бы, чтобы вы поделились впечатлениями от выставки» (= я хочу = поделитесь; просьба) (К. Федин «Необыкновенное лето»); «Топарев решительно и быстро сказал: “Ну, Сергей Васильевич, на личность, я думаю, можно бы и не переходить!”» (= можно не переходить = не переходите; упрек) (В. Вересаев «На пороге»);

2) конструкции с личным местоимением в форме дательного падежа, инфинитивом и частицей *бы* (в значении совета, наставления, поучения, предложения), безглагольные предложения с частицей *бы*:

«Вот тут бы тебе спать, на вольном воздухе. Жарко? чай, в конюшне» (= спи тут; совет) (В. Вересаев «К жизни»); «На разоружение идут. Нам бы с ними» (= давайте пойдём; предложение) (В. Маканин «Кавказский пленный»);

3) косвенные реализации совета с начальным лексическим компонентом «Я бы на вашем (твоем) месте»:

«На вашем месте я немедленно уладил бы всю историю» (= уладьте; совет) (А. Грин «Бегущая по волнам»); «Я бы на вашем месте хоть раз в театр сходил» (= сходите; совет) (М. Булгаков «Собаачье сердце»).

В дискурсах представителей социальных групп крестьянства и рабочих в литературе советского периода, мещан, купцов и крестьян в прозе начала XX века распространенной является иная разновидность анализируемой модели, имеющая менее высокую частотность в дискурсах интеллигенции, – конструкции с глаголами

в форме второго лица прошедшего времени на л и частицей *бы*:

«Ах, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучше дельное-то что-нибудь сочинил, – ну, хоть про войну, к примеру» (= сочини; совет) (И. Бунин «Деревня»); *«На крыльце Яшка сидит, плачет, дурак. Пошла бы ты к нему»* (= иди к нему; просьба) (М. Горький «Детство»); *«Книг ку-*

пил бы» (= купи; просьба) (М. Горький «В людях»); *«А Евсей опять вздохнул и сказал: “Шел бы ты, Мишка, домой”»* (= иди; совет) (Ф. Абрамов «Две зимы и три лета»).

В подтверждение наших выводов в табл. 2 приведены статистические данные для шести хронологических периодов XX–XXI веков.

Таблица 2

Повествовательные высказывания с глаголами в форме субъюнктива в значении побуждения в русской прозе XX–XXI веков: количественное соотношение разновидностей речевой модели

Table 2

Declarative statements with verbs in the subjunctive form expressing imperative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries: quantitative ratio of speech model varieties

Хронологический период	Удельный вес высказываний, оформленных по модели «форма 2 л. прошедшего времени на л + частица <i>бы</i> » (%)	Удельный вес высказываний, оформленных по моделям «инфинитив + частица <i>бы</i> » (в том числе с опущенным инфинитивом, с модальными лексемами <i>надо, можно, пора</i> и др.), « <i>я бы на вашем (твоем) месте...</i> », « <i>я бы хотел, чтобы вы (ты)</i> » (%)
1900–1910-е годы	69	31
1920-е годы	53	47
1930–1940-е годы	78	22
1950–1970-е годы («деревенская проза»)	88	12
1950–1970-е годы («городская проза»)	58	42
1950–1970-е годы в сумме «деревенская» и «городская» проза	83	17
1980–1990-е годы	43	57
2000–2020-е годы	44	56

Обращает на себя внимание невысокая употребительность разновидностей модели из правого столбца таблицы, характерных для дискурсов интеллигенции, в материале 1930–1940-х годов и в «деревенской прозе» 1950–1970-х годов. Материал данных периодов представлен произведениями, в которых на первый план выходит коммуникация сельских жителей, рабочих и выдвигается новый тип главного героя – представителя советской России, выходца из простонародья, бойца и труженика (проза М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, Ф. Абрамова, В. Распутина).

С другой стороны, наблюдаем высокую частотность указанных речевых форм в литературе 1920-х и 1980–2020-х годов, которая в нашем материале представлена прозой В. Набокова, М. Булгакова, А. Грина, Б. Зайцева, В. Маканина, А. Битова, С. Довлатова, Ю. Полякова, А. Варламова, И. Сахновского. Главный персонаж произведений указанных авторов – представитель интеллигенции, а в прозе начала XX века – пред-

ставитель дворянства избирает деликатные речевые формы побуждения, предполагающие дистанцию с адресатом, предоставляющие слушающему возможность ответить несогласием и отказом (не прислушаться к совету, не выполнить просьбу). Как правило, языковыми личностями движет стремление к сохранению личной свободы и независимости партнера по коммуникации.

«Да получше бы ворота запереть, а то ведь знаешь времена какие» (= давайте запрем; предложение) (Б. Зайцев «Странное путешествие»); *«Пора бы что-нибудь предпринять»* (= пора предпринять = давайте предпримем; предложение) (В. Набоков «Машенька»); *«Я бы на твоём месте рванул отсюда, пока выпускают»* (= уезжай; совет) (С. Довлатов «Заповедник»).

Разновидность описываемой речевой модели из левого столбца актуализирована в прозе 1900–1910-х, 1930–1940-х годов и в «деревенской прозе» 1950–1970-х годов, что демонстрирует характерность описываемого способа выражения намерения для дискурсов представителей крестьянства, рабочих, а также в прозе начала

XX века – мещан и купцов. Языковые личности, принадлежащие к данным социальным группам, оказываются в центре внимания произведений И. Бунина, М. Горького, И. Шмелева, М. Шолохова, Н. Островского, А. Фадеева, Ф. Абрамова, В. Распутина. Предпочтение разновидности модели героями объясняется, с одной стороны, их стремлением к искренности контактов, неприятием церемонности, которые коррелируют с фамильярностью, разговорной стилистической окраской данных речевых форм, а с другой стороны – природной добротой персонажей, их интуитивным стремлением смягчать коммуникативные интенции:

«Пожужинали бы и спали бы, спали бы себе!» (= спите; совет) (И. Бунин «Сосны»); *«Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили»* (= зайди; приглашение) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»); *«Вы бы прилегли, Александр Анисимыч»* (= прилягте; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»).

Примечательно, что и в «городской прозе» 1950–1970-х годов данные речевые формы употребляют также преимущественно представители крестьянства:

«Уж шли бы на свою жилплощадь, что ли, от соседей совестно! – раздался рядом сдержанный голос Анисьи Матвеевны» (= идите; упрек) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

Таким образом, в то время как речевое поведение группы персонажей с высоким уровнем образования направлено на установление дистанции с адресатом, речевые действия малообразованной группы действующих лиц отражают искренность, которая может быть как уместной, так и избыточной, в зависимости от степени официальности общения и близости с партнером по коммуникации.

СОВМЕЩЕНИЕ ДИРЕКТИВНОГО И ЭКСПРЕССИВНОГО ЗНАЧЕНИЙ В РАМКАХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ ПОБУЖДЕНИЯ

Несмотря на прагматический эффект митигации, в ряде случаев анализируемые высказывания могут репрезентировать конфликтную коммуникацию. Степень категоричности таких высказываний повышается различными способами. Так, побудительное значение может совмещаться со значениями неодобрения, недовольства и упрека (всего в проанализированном материале выявлено 34 % подобных контекстов). Данный вариант использования речевой модели мы определяем как некооперативный. Как показывают статистические данные, он является весьма актуальным для русской прозы XX–XXI веков (табл. 3).

Таблица 3

Количественное соотношение косвенных побуждений, репрезентированных в виде повествовательных высказываний с формой субъюнктива, с добавочным пейоративным значением в русской прозе XX–XXI веков

Table 3

Quantitative ratio of indirect imperatives represented in the form of declarative statements with the subjunctive form and additional pejorative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries

Хронологический период	Удельный вес высказываний с пейоративным значением (%)
1900–1910-е годы	19
1920-е годы	32
1930–1940-е годы	41
1950–1970-е годы	46
1980–1990-е годы	30
2000–2020-е годы	28

Наличие добавочного пейоративного значения в побудительных косвенных речевых актах с формами субъюнктива имеет наибольший показатель в периоды 1930–1940-х и 1950–1970-х годов, что указывает на усиление конфликтности коммуникации в советский период и речевую агрессию, наблюдаемую в эту эпоху даже в области применения кооперативных речевых моделей.

«– Взяла бы подол в зубы да помолчала, – чей-то хриловатый басок» (= помолчи; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»); *«“Ты хоть бы о доме своем спросил!” – крикнула вдогонку ей Анфиса»* (= спроси; упрек) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Формальные показатели пейоративного значения на уровне речевых актов наблюдаются преимущественно в прозе до 1970-х годов и являются наиболее частотными в речи представителей крестьянства. В материале 1900–1970-х годов выявлены следующие грамматические маркеры пейоративного значения:

комплексы *хоть бы, хотя бы*:

«Хоть бы картузишко-то купил себе! – кричал он с усмешкой» (= купи; совет) (И. Бунин «Деревня»); *«Ты бы хоть говорила, да не заговаривалась»* (= не заговаривайся; упрек) (В. Распутин «Последний срок»); *«Ты хоть бы обнову-то не гваздада, – сказала мать и взяла у нее с коленей ситец»* (= не используй; упрек) (Ф. Абрамов «Две зимы и три лета»);

конструкции с союзом *чем*:

«Ты бы чем подрастающему поколению разгон давать, сестре своей приструнку дал» (= дай; совет) (Ф. Абрамов «Дом»);

экспрессивные высказывания со значением неодобрения в рамках макроречевого акта:

«Срамница! Человек на войну уезжает, а она... Председатель! Бога не боишься, хоть людей бы постыдилась» (= постыдись; совет с оттенком упрека) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»);

конструкции с противительными союзами *а, да*:

«Тебе бы, старому, надо не махотку на живот накиннуть, а трехведерный чугунок!» (= накиннь; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»).

О неодобрении, недовольстве, упреке могут сигнализировать и авторские комментарии, которые в материале до 1980-х годов играют важную роль при интерпретации контекстов с двойными интенциями:

«Послышались негодующие голоса: “Стыдились бы, мужики, глядеть!”» (= постыдитесь; упрек) (Н. Островский «Рожденные бурей»); «– Вы бы лучше на войну шли, чем тут без дела околачиваться, – негромко и злобно сказал он нам сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищем» (= идите; совет) (И. Бунин «Последняя весна»).

В материале 1980–2020-х годов пейоративное значение, как правило, не выражено с помощью грамматических показателей или в авторских ремарках, а реализовано на уровне лексических компонентов высказываний либо эксплицировано в контексте:

«Маруся говорила: “Шел бы ты работать, как все люди”» (= иди; совет) (С. Довлатов «Ремесло»); «– Ты бы оделась, – посоветовал Фараон, – противно смотреть» (= оденься; совет) (В. Токарева «Этот лучший из миров»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при характеристике побуждений, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголом в форме субъюнктива, в русской прозе XX–XXI веков была выявлена зависимость от фактора «время написания текста» следующих признаков: 1) частотности косвенных реализаций побуждения

в виде конструкций с субъюнктивом; 2) количественного соотношения высказываний с совмещением директивного и экспрессивного значений; 3) способов репрезентации пейоративного значения – с помощью грамматических маркеров, в авторских комментариях, в контексте, на уровне лексических компонентов высказываний.

Установлены следующие тенденции в русской прозе XX–XXI веков:

1) в период с 1900 по 2025 год снижается частотность повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива, используемых в значении побуждения (с 14 до 1 %);

2) речевые формы с совмещением побудительного и экспрессивного пейоративного значений актуализируются в текстах 1930–1940-х, 1950–1970-х годов (41–46 %);

3) в материале 1900–1970-х годов доминирующими способами выражения пейоративного значения являются включение грамматических маркеров и указание на неодобрение, упрек или недовольство в авторских ремарках, а с 1980-х годов пейоративное значение реализуется преимущественно с помощью лексических компонентов высказываний и на уровне контекста.

Была выявлена определяющая роль фактора «социальная принадлежность персонажа», влияющего на выбор автором произведения разновидностей исследуемой речевой модели «высказывания с глаголом в форме субъюнктива». Так, представители социальных групп с высоким уровнем образования выбирают разновидность анализируемой модели «инфинитив + частица *бы*» (в том числе с опущенным инфинитивом, с модальными лексемами *надо, можно, пора* и др.). Социальные группы, которые относятся к малообразованным, выбирают разновидность модели «форма 2 л. прошедшего времени на л + частица *бы*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высш. шк., 1987. 399 с.

² Шаронов И. А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.

³ Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 33 с.

⁴ Кулькова Р. А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 25 с.

⁵ Саранцацрал Ц. Способы выражения побуждения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 27 с.

⁶ История русской литературы XX века: В 2 ч. Ч. 1: Учебник для академического бакалавриата / В. В. Агеносов, К. Н. Анкудинов, А. Ю. Большакова [и др.]; Под общ. ред. В. В. Агеносова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 795 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Непрямая коммуникация: речевой жанр скрытой просьбы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 3 (31). С. 6–22. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-2
2. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11–17.
3. Грамматика русского языка: [В 2 т.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 374 с.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 245 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Памятники древней Руси, 2009. 512 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Михальчук Н. А. Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект // Русский язык: система и функционирование: Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. факультета Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; Редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 147–152.
10. Михальчук Н. А. Речевые модели косвенного выражения интенции побуждения в русской прозе 1950–1970-х гг. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2025. Т. 15, № 2 (46). С. 46–55.
11. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (156), ч. 1. С. 156–162.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
13. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–223.
14. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз., 1998. 291 с.
15. Формановская Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом 1984. № 6 (67). С. 67–72.

Поступила в редакцию 09.06.2025; принята к публикации 31.10.2025

Original article

Natalia A. Mikhalechuk, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Doctoral Candidate, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
 ORCID 0000-0002-2611-9486; n-mihalechuk@list.ru

INDIRECT SPEECH REALIZATION OF IMPERATIVE INTENTION IN RUSSIAN PROSE OF THE XX AND XXI CENTURIES

Abstract. This study is the first to identify the distinctive features of speech representation of imperatives expressed as declarative statements with a subjunctive verb form within Russian prose of the XX and XXI centuries, analyzed across six chronological periods. The research demonstrates that the following characteristics depend on the period in which a literary work was produced: (1) the frequency of indirect verbal manifestations of imperatives; (2) the prevalence of instances where directive and expressive meanings are combined; and (3) the way of conveying pejorative meaning in imperative statements. The aim of the article is to explore the specific features of how imperatives are realized indirectly in speech through declarative statements containing verbs in the subjunctive form in Russian prose of the XX and XXI centuries in a diachronic aspect. The relevance of this study stems from the lack of a comprehensive and systematic diachronic description of indirect speech realizations of imperatives within literary texts. The study employed methods such as contextual analysis, analytical and synthetic approaches, as well as quantitative, comparative, and philological methods. The findings reveal several trends in Russian prose across the specified centuries: (1) a decline in the frequency of declarative statements with subjunctive verbs used as imperatives, decreasing from 14 % to 1 %; (2) the actualization of speech forms that combine imperative and expressive pejorative meanings in texts from the 1930s to the 1970s; and (3) the dominant influence of such factor as the “character’s social status” on the author’s choice of speech model.

Key words: indirect communication, indirect speech act with imperative meaning, communicative intention, subjunctive mood

For citation: Mikhalechuk, N. A. Indirect speech realization of imperative intention in Russian prose of the XX and XXI centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1260

REFERENCES

1. Bagirova, E. P., Gavrikova, E. O. Indirect speech acts of modern communication: speech genre of hidden request. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2022;8-3(31):6–22. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-2 (In Russ.)
2. Gak, V. G. Pragmatics, usage, and grammar of speech. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1982;5:11–17. (In Russ.)
3. Grammar of the Russian language: In 2 vols. Moscow, 1960. (In Russ.)
4. Dementyev, V. V. Indirect communication. Moscow, 2006. 374 p. (In Russ.)
5. Dementyev, V. V. Indirect communication and its genres. Saratov, 2000. 245 p. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. Language of social status. Sociolinguistic aspect. Pragmalinguistic aspect. Linguosemantic aspect. Moscow, 2002. 333 p. (In Russ.)
7. Larina, T. V. Politeness category and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. Moscow, 2009. 512 p. (In Russ.)
8. Makarov, M. L. Fundamentals of discourse theory. Moscow, 2003. 280 p. (In Russ.)
9. Mikhalechuk, N. A. Indirect realizations of imperative intention in fiction literature: a diachronic aspect. *The Russian language: system and functioning: Proceedings of the X International Research Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Department of Philology at Belarusian State University*. Minsk, 2025. P. 147–152. (In Russ.)
10. Mikhalechuk, N. A. Speech models of indirect expression of intention and motivation in Russian prose of the 1950–1970s. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2025;15,2(46):46–55. (In Russ.)
11. Nesterova, T. V. Indirect communication in everyday sphere (the Russian language interaction). *Philology. Theory & Practice*. 2015;5(156-1):156–162. (In Russ.)
12. Paducheva, E. V. Statement and its correlation with reality. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.)
13. Searle, J. R. Indirect speech acts. *New developments in foreign linguistics: Collection of articles*. Moscow, 1986. Issue 17: Theory of speech acts. P. 195–223. (In Russ.)
14. Formanovskaya, N. I. Communicative-pragmatic aspects of communication units. Moscow, 1998. 291 p. (In Russ.)
15. Formanovskaya, N. I. Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach). *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1984;6(67):67–72. (In Russ.)

Received: 9 June 2025; accepted: 31 October 2025